
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТУРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОЕ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «СВИТОК»

Новую рубрику, расширяющую географию наших публикаций, начинаем с литературного объединения «Свиток» из города Сергиева Посада — исторического и духовного центра русского православия. Стихи руководителя объединения Александра Ананичева см. выше.

ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВА (г. Сергиев Посад)

Родилась в 1954 году, член Союза писателей России, член литературного объединения «Свиток», автор поэтических сборников «Тихая осень» и «Песня о доме». Публиковалась в центральной и местной печати, а также в нескольких коллективных сборниках. Учитель русского языка и литературы средней школы дер. Самотовино Сергиево-Посадского района. Дипломант и лауреат поэтических конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», «Сердце России». Член отборочной комиссии конкурса «Посадская лира — 2008».

* * *

Молчат стихи,
Как крик, зажатый в горле.
Молчит душа.
И спит земля во мгле...
Но знаю я,—
Под снегом дышат корни,
И дремлет колос
В чуткой тишине...
Весна
Его цветение разбудит.
Прекрасный миг!
Он — жив!
Он снова любит!..
Так вдохновение
Живет во мне.

ЛЮБОВЬ БАКУЛИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась в 1946 г. Член Союза писателей России, председатель «Общества книголюбов «Радона»», член литературного объединения «Свиток», автор нескольких книг, призер поэтических конкурсов и фестивалей, проводимых в Сергиево-Посадском районе, автор идеи и организатор открытого поэтического фестиваля «Светлый миг», посвященного памяти В. Н. Сосина. Публиковалась в центральной и местной печати, а также в альманахе «Песня за Отечество и веру!» (2007), сборниках «Посадская лира» (2006) и «Пастернаковское лето» (2006).

МОЯ РОДИНА

Дом — это место, где лечатся раны,
Дома священны тепло и уют,
Дом — это счастье общения с мамой,
Дома нас любят, жалеют и ждут.

Как беспокойно быть с домом в разлуке,
Мысли о доме сердца бережат.
Снятся нам мамины добрые руки
И всепрощающий ласковый взгляд.

Жизненный путь, он то сладок, то горек,
Смешаны слезы со светлым дождем.
Зов ностальгический трепетно стоек —
Родина там, где родительский дом.

АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ

(г. Сергиев Посад)

Отставной военный инженер, кандидат технических наук, поэт и прозаик, эксруководитель литературного объединения «Свиток». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Форум» и «Литературные незнакомцы», в сборнике «Братина», в альманахе «День поэзии — 2000», в антологиях «Поэты Сергиева Посада. XX век» и «Душа России», в газетах «Российский литератор» и «Русская Америка», в местной периодике. Лауреат и призер поэтических конкурсов «Посадская лира» и «Пастернаковское лето». С 2000 г. член отборочной комиссии и оргкомитета «Посадской лиры». Член редколлегии компьютерного журнала «Слово СВИТКА». Участник разработки лит.наследия С.Волкова, А.Чикова и В.Сосина. Автор книги «Свеча негасимая» (Сергиев Посад, 2003). Член Союза писателей России.

*Икона Троицы вносилась в Свято-Данилов монастырь
на время переговоров по разрешению кровавого конфликта
осенью 1993 года, но, говорят, вскоре «заболела» сама.*

Икона привела нас к примиренью
И обрести согласие помогла,
Сама же... трещинки на лике обрела
Поскольку мы, к стыду и сожаленью,
Не так, как должно, взялись за дела.
Ведь трещинки на лике — в слое краски —
Есть продолженье пропастей земных,
Нас делящих на лагеря и касты,
Чтоб кто-то, разделив, прорвался к власти
Не пощадив ни близких, ни родных.
Ведь смута в душах, как во время Оно
И много позже, вновь уже бурлит,
А трещинки на лике святом — стоны,
Идущие неслышно от иконы,
Душа которой от беды болит...

ЛИДИЯ ДИНУЛОВА
(г. Сергиев Посад)

Библиотекарь на пенсии, поэт. Стихи ее публиковались в сборнике «Братина», в альманахе «День поэзии — 2000», в антологии «Поэты Сергиева Посада. XX век», в журналах «Форум» и «Литературные незнакомцы», вошли подборкой «Голос сердца» в сборник «Его именем названа библиотека» (Сергиев Посад, 1998), печатались в «Литературной газете», в газетах «Российский писатель» и «Русская Америка», а также в местной периодике. Обладательница приза «Радонежье — мое вдохновение» на конкурсе «Посадская лира» (2005, 2008). Неоднократно участвовала в работе отборочной комиссии конкурса. Была и членом жюри конкурса «Пастернаковское лето». Автор книги стихов «Жизнь как есть» (Сергиев Посад, 2002). Ветеран литературного объединения «Свиток». Член Союза писателей России.

* * *

Жалеть себя? — Смешно и глупо.
Я говорю себе: «Не смей!»
Пусть жизнь отмерила не скупю
Мне горьких и тревожных дней.
 Что жизнь моя на фоне общей
 Такой нерадостной судьбы,
 Где старики тихонько ропщут
 И угасают без борьбы.

...Опять в деревне. И одна...
Дождит. И протекает крыша.
Мне грустно видеть из окна,
Как дождь листву дерев кольшет.
Они промокли до корня,
И дом мой мокнет и дряхлеет.
Жалею дом. Но и меня,
Наверно, кто-то пожалеет.

ОЛЬГА КИСЕЛЕВА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 7 апреля 1964 года. Образование высшее, педагогическое. Работает воспитателем в детском саду № 37. Член литературного объединения «Свиток» с 2001 года. Дипломант и неоднократный лауреат ежегодных поэтических конкурсов «Посадская лира» и «Пастернаковское лето». Публиковалась в международном журнале «Форум» (2007 год), в сборниках «Посадская лира — 2005 (издательство «Весь Сергиев Посад»», «Пастернаковское лето» (издательство «Все для Вас Сергиев Посад» — 2006 года) и в журналах «СЛОВО СВИТКА».

ПУШКИН ЛЕТОМ 1831 ГОДА

Жарило холерное то лето
Тридцать первого, пекло, что было сил.
Ах, какое счастье для поэта:
Он жену, как божество любил.
И блаженство только начиналось,
Что гостило в их семье шесть лет.
Царственная пара не встречалась,
В камер-юнкеры не жалован поэт.
Чудо-женка, чистая мадонна,
Дома с книгой, не представлена двору,
И судьба к поэту благосклонна:
Радости простые поутру
В дом являла скучной чередою:
Плаванье, на завтрак варенец,
Из крыжовника варение с водою,
Что же больше мог желать певец?
Век бы жить без тещи, экипажа,
Пешие прогулки вечерком;
И совсем не нужно эпатажа,
Чтоб жена входила в модный дом,
Чтоб блистала в нем звездой и загадкой —
Ей ли, ангелу, все взоры услаждать?
Не было б потребности несладкой

Честь свою и честь жены спасать.
Что же делать? Что случилось, то случилось;
Ход истории назад не повернуть.
Лето тридцать первого лучилось,
Терном весь увитый начат путь.

СВЕТЛАНА КУЗЬМИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась в 1976 году в городе Хотьково. Работает художником по рекламе в Сергиево-Посадском РАЙПО. Член литературного объединения «Свиток» г. Сергиев Посад, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Кленовая мозаика» (2003 г.), «Неправильный соловей» (2004 г.), «Два Я» (2005 г.), «Между двух зим» (2006 г.) «По кромке Млечного пути» (2008 г.) Публиковалась в газетах «Вперед», (г. Сергиев Посад) «Сергиевские ведомости» (г. Сергиев Посад), «Русская Америка» (США, Нью-Йорк), в журналах «Литературная учеба» (г. Москва), «Форум» (г. Москва), «Литературные незнакомцы» (г. Москва), «Кстати» (г. Сергиев Посад), «Слово Свитка» (г. Сергиев Посад), в альманахе «Песня за отечество и веру» (г. Сергиев Посад), поэтических сборниках «Посадская лира» (г. Сергиев Посад), «Пастернаковское лето» (г. Сергиев-Посад). Лауреат поэтических конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», II православно-патриотического фестиваля «Сердце России» (в номинации — поэзия).

НА МОГИЛЕ МАМЫ

Унизан хвощ рососою до макушек.
На кладбище такая благодать!
Ты знаешь, здесь не хочется страдать
Под тщетное пророчество кукушек,
Которым век мой вряд ли угадать.

Теперь ты здесь меня, как прежде, ждешь.
Прости, не по погоде я одета.
На часиках в траве начало лета,
А небо сыплет колкий мелкий дождь,
На всем стирая дымкой яркость цвета.

Насквозь промокла, вот и все дела.
Хотя в душе давно засела сырость.
Вползла туда и даже не спросилась,
Еще тоску вдобавок привела.
Зачем они душе, скажи на милость?

Прости, во многом ты была права.
Увы, прозренье горю не поможет.
Стою, и что-то исподволь тревожит.

В ногах забито сгорбилась трава,
А сверху дождь листву нещадно гложет.

Вбирают влагу темные кресты.
Скорбит июнь, пропахший прелым лесом.
Уйду, и будешь вслед глядеть мне ты,
Застыв у некой призрачной черты,
Сливаясь в дымке с дождевой завесой.

ИВАН МУРАВЬЕВ

(г. Сергиев Посад)

Родился в селе Зеленые-Горы Нижегородской области в 1940 году. Кандидат технических наук, доцент — научный сотрудник в области ракетно-космической техники. Живет и работает в городе Пересвете Сергиево-Посадского района Московской области. Участвовал в городских поэтических конкурсах, публиковался в местной и центральной печати. Автор трех поэтических сборников: «Мозаика» г. Ростов-на-Дону, МП «Книга», 1999 г.; «Бьется мысль» г. Сергиев Посад, ООО «Все для Вас», 2001 г.; «Буду верить» г. Сергиев Посад, издательство «Весь Сергиев Посад», 2005 г. Творчество представлено в сборнике «День поэзии» г. Москва, «Русский Мир», 2001 г.; во Всеобщей энциклопедической антологии «Душа России» г. Москва, издательство РБП, 2004 г. С 2003 г. — член Союза писателей России. В настоящее время работает над новым сборником стихов, написанных после 2004 года.

«ЧАЙ»

Есть слова, что милы с детства,
словно в паспорте строка.
Никуда от них не деться,
хоть Россия широка.
И у нас, нижегородцев,
есть свое словечко «чай».
Бабы сплетни у колодца
чаем льются через край:
«чай», смотреть не стыдно людям,
«чай», ему-то все равно,
этот — словно прыщ на блюде,
«чай», у них любовь давно.

* * *

Теплоход пыхтел и долго
полз волне наискосок.
«Широка, но, чай, не Волга», —
слышу женский голосок.
Взгляд скосил на профиль тонкий,

двинул влево каблуки,—
улыбнулся я девчонке:
«Чай, наверно, земляки?»
Ну, а волны, словно танки,
хоть гранатой их встречай,—
не хотят, чтоб у волжанки
с губ слетал вот этот «чай».

* * *

Слово волжское. И баста!
Та особенность мила.
Говорят в деревне часто:
«Чай, корова-то пила?»
Слово то — тепло привета.
Слышу «чай», и в горле — ком.
Я впитал словечко это
с материнским молоком.
Мы живем с родимым «чаем»,
«чай» услышим, — встречу ждем.
С «чаем» мы не подкачаем,
никого не подведем.

ЛЮБОВЬ ЛУКАШИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 19 марта 1981 г. в Сергиевом Посаде. Учитель истории и обществознания Сергиево-Посадской средней школы № 11. Член Союза писателей России. Член литературного объединения «Свиток» с 2000 г. Автор 3-х поэтических сборников: «Полетели!» (2002 г.), «День Ангела» (2005 г.), «Надежды лучики бесценные» (2008 г.). Публиковалась в центральной и местной (Сергиево-Посадской) печати, а также в сборниках «Посадская лира» (2006 г.) и «Пастернаковское лето» (2006 г.), «День Поэзии-2000» (Москва, 2000 г.), альманахе «Поэтический олимп» (Москва, 2003 г.). Лауреат общероссийской молодежной премии «Эврика» (2008 г.) в номинации «поэзия». Лауреат II премии православно-патриотического фестиваля «Сердце России» в номинации «поэзия» (2008 г.). Неоднократный дипломант и лауреат ежегодных конкурсов, проводимых в Сергиевом Посаде.

ЧТО НАМ ОСТАНЕТСЯ ОТ ЛЕТА?

Супругу

А лето катится под горку,
Устроив ягодный салют.
Подставь ладони и ведерко
Скорей, не то дожди польют,
Все краски перекроют серой,

Что нам останется тогда?
Не так уж мало. Будет вера —
Переживем и холода.
И ты придешь в промозглый вечер
И скажешь: «Зонтик посуши».
Заглянет лучик первой встречи
В укромный уголок души.
Он высветит для нас березку,
Овраг, Кукуевку, ручей,
И клюквенной зари полоску,
И вздох, и сбивчивость речей,
И молчаливого ответа
Прозрачность, и цветы в руках,
И краткое, как вспышка, лето,
И вкус малины на губах.

ВЕРА ЕВДОКИМОВА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 15 мая 1935 г. в г. Ярославле. На сергиево-посадской земле живет с 1958 г. Неоднократный лауреат конкурсов, проводимых в Сергиевом Посаде,— «Посадская лира», «Пастернаковское лето». Лауреат российского конкурса им. Н. Рубцова «Звезда полей», Москва, 2003. Участвовала в редактировании нескольких поэтических книг, а также в составлении и редактировании литературно-художественных сборников «Литературный Пересвет», Сергиев Посад, вып. 1 (2004) и 2 (2008). В сергиево-посадских изданиях публиковалась с 1976 г. (стихи, рассказы, очерки). Стихи публиковались в московских журналах «Юность», «Форум», «Литературные незнакомцы», в юбилейном «Дне поэзии-2000». Член Союза писателей России.

СУББОТА

Памяти Веры Николаевны Поповой

Какой-то слабый звук разбудил: стук ли в коридоре, легкий ли треск обоев, но она сразу же отошла от сна, потянулась, повернулась на левый бок, чтоб взглянуть на часики, висевшие на книжной полке,— старые ручные часики.

— И времени-то немного, чего это я всполошилась. Вот дуреха... И муж еще спит крепко.

Мысли медленно набухали, выстраивались в очередь. Так. Что у нас сегодня? Суббота... Простая эта истина вдруг повергла ее в изумление и смятение.

— Суббота? Суббота... Самый желанный день недели. Как это я вчера не почувствовала кануна ее? Ах, да, когда сидишь дома — суббота не выделяется. Мысли ускользали, а она пыталась собрать их и направить в одну сторону: откуда суббота, почему именно она?

...В субботу Надя встречает папу далеко от дома, на полпути с работы. Еще бы! Завтра в первый раз он обещал взять ее с собой за грибами. Он уже не раз уходил на

раннем рассвете, когда дети спали, а в обед мама ставила на стол большую сковороду жареных грибов с картошкой и луком. Необыкновенно вкусно! Так хочется увидеть, как растут эти красивые и вкусные грибы. После ужина — подготовка к завтрашнему походу. Папа проверяет надежность корзин, заделывает наметившуюся на дне дырку в большой, маленькая пока цела, правит лезвие ножика. Достает резиновые сапоги, старый плащ. Мама заставляет Надю примерить на ботинки калошки — так и есть, оказались великоваты; чтобы не сваливались — мама подложила в носки клочки газеты. Надя беспокойно подбегает к окну, смотрит на тускнеющий закат и темнеющее небо: только бы дождик не собрался ночью! «Найду ли я хоть один грибок, может, они прячутся?» — в тревоге думала Надя, засыпая, и тут же слышала мамин шепот: «Она устанет, утром холодно, трава сырая», а папа отвечал тихо: «Я обещал, мы пойдем в ближний лес, к Носкову».

А утром мама будит Надю, она не в силах разомкнуть веки, поворачивается на другой бок, тогда мама тихо спрашивает: «Не хочешь идти за грибами?» Тут сон вспорхнул, Надя вскакивает, мама помогает ей одеться, кладет в корзинки куски хлеба с огурцами. Брат и сестренка даже не пошевелились, спят крепко. Надя поеживается, к утру сыrovато и прохладно. Тепло станет позже, когда мама истопит печку, а над поленницей во дворе солнышко поднимется. На улице тихо, еле различимые в тумане две фигуры движутся из центра по деревянным тротуарам. Наверное, тоже за грибами, куда ж еще в такую рань? Даже барабанки пастуха еще не слышно, не выпускали хозяйки коров в стадо. Окончательное избавление от спросонья пришло, когда вышли за больницей на дорогу, ведущую ко льнозаводу. Роса в поле за городом обильная «Дождя сегодня не будет», — сказал папа. Надя шагала бодро. Когда попадались на пути большие лужи, папа сажал ее на закрошки. Вот и опушка леса. Дорога стелется дальше, к Малому Починку, а папа сворачивает влево, по узкой тропинке. Подошли к изгороди, отделяющей выгон от покосов, осторожно перелезли через мокрые жерди. Трава хлещет по ногам, чулочки начинают намочать. Папа наклоняется, срывает серый грибок на тонкой ножке. Рядом много таких же.

— Эти грибы нельзя есть. Поганки. Запоминай их.

Под ногами уже — мягкий мох, тропка круто поворачивает вправо, небольшая полянка.

— Гриб вижу, еще один! — звонко кричит Надя. Папа похвалил:

— Молодец. Большой с красной шляпкой — подосиновик, а маленький с серой — подберезовик.

Папа рассказывал про каждый гриб. Все они были разные. Особенно Наде понравились мохнатенькие розовые волнушки.

Папа лукаво улыбается:

— Вот под этой елочкой сидит белый гриб и тебя дожидается. Подними ветку — увидишь.

Надя с азартом кидается к елке, неудобств от мокрых чулок уже не чувствует, поднимает ветку, а под ней — три красавца рядом.

— Папа, смотри, там не один, как булочки!

Быстро набрали корзины, ноги устали, но уходить не хотелось. Попутно срывали чернику и костянику, брусника начинала розоветь. Обрато Надя плелась вяло, так хотелось, чтобы папа посадил ее на закрошки, но в руках у него была корзина, в которой грибы едва умещались, и он подбадривал дочку, ведя ее за руку. Брат и сестра только еще проснулись, когда они вернулись домой, а мама почему-то тихо сказала: «А я думала — ты не любишь детей...»

Когда это было? Давно. До войны. До школы.

...После проводов папы на фронт не стало суббот. Все дни были голодные и печальные, хотя в иных оттенках они могли разниться, особенно летние и зимние.

Правда, бывали чудные вечера осенью и зимой, когда мама давала по горсточке вкусного овса: сначала она распаривала его в русской печи, в чугушке, потом подсушивала на противне, до чего же вкусным он становился! При свете коптилки мама читает вслух. Спит только маленькая Лена. Зосе 5 лет, но она тоже внимательно ловит каждое мамино слово — о путешествии Нильса с дикими гусями, потом про Каштанку, про Серую Шейку, про Дюймовочку... Когда мама делает маленькую паузу, чтобы прожевать овсяное зернышко, дети дружно кричат: «Дальше! Дальше!»

Обозначилась суббота в военные годы, когда началась школа. Тогда Надя стала догадываться, что свобода в действиях радостней обязательных упорядоченных занятий, даже если они не противны. В субботу всего три урока, и на лыжах можно покататься, и в прятки вечером во дворе поиграть, и уроки до воскресенья можно отложить.

Скорей бы суббота!

...Встречали папу в субботу. За год он прошел несколько госпиталей, начиная с полевого. Осколок снаряда попал в стопу. Неудачная перевязка на поле боя, гангрена. Отнимают стопу. Гангрена ползет выше. Еще дважды пилят кость. Последняя ампутация — выше колена. Из палаты смертников вышли немногие. Домой возвращался из Ижевского госпиталя. Об этом знали старшие из скупых рассказов мамы. Часто после письма из госпиталя она плакала, старалась, чтоб дети не заметили ее слез. Одна Надя догадывалась о неблагоприятии в папином выздоровлении. Она не раз видела заплаканную маму, младшие еще не сообщали.

Короток зимний день. Замерзшие, дети стояли на мосточке через канаву, отделявшую засыпанный глубоким снегом деревянный тротуар от дороги. Она поблескивала от раскатынных следов полозьев, была усыпана конскими кругляшками. Не отрываясь, смотрели на дорогу в сторону площади. Очень хотелось встретить папу на подъезде к дому, угадать издали, какая лошадка везет его. От станции до города — сто верст, у папы только армейский ватник, мама договорилась с возчиком, нашла тулуп, ведь папа не мог пробежаться за санями, когда замерзнет. Прибегали Надя с братом-погодком Сашей погреться, обстукивали валенки в коридоре, сбрасывали варежки, ладошки прижимали к теплой русской печке. Коптилка давно горела в комнате. Может быть, папе придется заночевать в Корцове или другой деревне. Свечерело, вернулись домой окончательно. Мама беспокойно ходила по комнате, подходила к окну, пытаясь стереть художества мороза на стекле. Как ни ждали — растерялись, когда мама, накинув полушалок и пальто, бросилась в коридор. Папа в зеленом ватнике, ушанке, заиндевелый, переступил костылями через порог из коридора в кухню. Вслед за ним вошел парень-возчик, в руках он нес папины вещи, среди них — завернутое в тряпку... («Нога» — от этой догадки Надя вздрогнула). Позже дети рассмотрели и узнали, что такое протез. Вышла соседка, поздоровалась и тактично вернулась в свою комнату. Ее муж на фронте не был. Дети по очереди смущенно подходили к отцу. Когда уселись в комнате за стол, папа вынул из вещмешка банку, мама убрала ее в шкаф, потом сладкие темные плитки и сухари.

Возчик от ночевки отказался, торопился в свою деревню. Когда отправились спать и Надя оглянулась на родителей, они сидели за столом, взявшись за руки, и глядели друг на друга.

...Скорей бы суббота! Выпускной вечер. Объявят белый танец, я подойду к Нему и приглашу. Ничего, что неважно танцую. Ночью будем бродить классом по городу, а ночи-то и не будет, она белая, все видно, только лица какие-то измененные, и глаза блестят загадочно. Будем говорить о будущем, сладко зашемит сердце, впереди тревожно-радостная неизвестность. Никому не скажу о тайной своей мечте — постоять на Воробьевых горах, где стояли Герцен с Огаревым, давали клятву на верность отечеству.

...На пороге неведомого. Июльская суббота. Надя покидает дом. Аттестат из-за

медали получила с опозданием, многие уже уехали. Чемодан упакован. На всякий случай взяла несколько учебников,— что за собеседование будет, никто не знает.

Папа говорил:

— Не бойся, тебя встретит Софья Николаевна. Завтра воскресенье, она сможет приехать на вокзал.

— А как я ее узнаю?

Мама стала объяснять:

— Она работала в войну у нас в больнице. Маленькая такая, живая, глаза черные, выразительные. Да ты ее вспомнишь! Ходила в красной кофте в черную полоску.

Надя смотрит на фотографию, смутно припоминая маленькую женщину со смеющимися глазами.

Все семейство провожает на аэродром — поле за военкоматом, с которого взлетали и на которое приземлялись маленькие, четырех- или шестиместные самолеты.

Последние напутствия.

— Самолет летит часа полтора, автобусы с аэродрома ходят до вокзала. Сразу иди в кассу № 2, знакомые забронировали для тебя билет. На всякий случай скажи — впервые поедешь на поезде, собираешься поступать в МГУ. Поезд отходит вечером, а утром уже будешь в столице.

...В коридоре на Моховой полно народу. Суббота. Многие пришли с родителями. Надя выделялась своей одеждой — черное платье и серый дорожный пиджачок. Ведь Софья Николаевна предлагала поехать с ней — для моральной поддержки. Надя отказалась:

— Хоть физика страшней остальных, но это уже четвертый экзамен, как-нибудь.

На первых трех — двух письменных по математике и одном устном — Надя потеряла только один балл. Софья Николаевна изумлялась:

— Какая же ты молодчина!

— Да если бы не Вы,— Надя запнулась,— огромное Вам спасибо!

...Дни в Москве казались нереальными, как будто с кем-то другим все происходило. Приемная комиссия, медалистов уже набрали, к собеседованию не допустили, Надя опоздала. Консультации с родителями по телефону: идти в другой вуз по собеседованию или сдавать экзамены в МГУ на общих основаниях? Папа колебался: «Понимаешь, математиков-то много, но Софья Ковалевская была одна». Надя твердо решила — сдавать. В другой вуз и после экзаменов не поздно будет.

Софья Николаевна, такая чуткая женщина, нашла ей в разных библиотеках кое-какие учебники, с собой-то было всего три книжки. Больше того. Поскольку в Москве приходится задерживаться не на 3—5 дней, а чуть ли не на месяц, Надя собралась переезжать в общежитие, на Стромынку. Съездила, узнала, в какую комнату ее поселят. Софья Николаевна внимательно расспросила, сколько человек в комнате, какие условия. Выслушала, покачала головой:

И готовить там негде, и поспать не дадут. Оставайся у нас. Леша в пионерлагере, Дмитрий Алексеевич в командировке. И свекровь Александра Ивановна подтвердила: оставайся.

...А из экзаменационной аудитории уже выходили «отстрелявшиеся». Родители бросались к ним:

— Как?

— Трояк.

Как?

— Неуд... У-у, там такое спрашивают...

Уныние. «Хоть бы тощенькую троечку» — лихорадочно шептала Надя. А вот и просвет в унылой череде троек — двоек. Вышел улыбающийся паренек:

— Четверка!

Родители не сдававших еще завистливо восклицали:

— Вот повезло! Считай, поступил.

Экзаменатор, к которому попала Надя, сразу же взял листки с решением задачи. Глянул в ответ, потом еще раз посмотрел ход решения:

— Странно. Ответ правильный, решение какое-то необычное. Рассказывайте.

Задача попала по оптике. Надя стала показывать, как пройдут лучи через линзы, какие треугольники надо взять, чтоб получить углы и нужные линейные размеры. Экзаменатор сказал:

— Так еще никто не делал. Оригинально.

Потом погонял по теории. Спросил, как она представляет себе изменения величины давления в трубе с водой. Надя стала рисовать ему манометры вдоль трубы.

— На какое отделение подали документы?

— На математику.

— Вам надо на механику. Перепишите заявление.

— Так еще четыре экзамена впереди!

— Ну, если с этими справились, дальше — проще. Желаю удачи. Уверен, что поступите.

Надя смотрит — в экзаменационный листок выводит ей «отлично».

Не помня себя, выскочила в коридор. Такая непрезентабельная одежда, такие растерянные глаза. К ней бросаются:

— Как?

— Отлично.

Тишина. Отступили на шаг и внимательно ее разглядывают. Двое даже пощупали рукава пиджачка.

— Вторая пятерка, — кто-то тихо произнес.

Она отвечала на вопросы, показывала задачу, решение, еще что-то говорила. Потом — стремглав вниз по лестнице, на улицу. Какие красивые люди идут! Какие необыкновенные огни зажглись! Надо же, вечер наступил. Как приятно шуршат троллейбусы! Она не шла — крылья ее несли. Счастливее ее в этот миг не было человека на свете. Встречные улыбаются, глядя на нее. Ну, какая же замечательная суббота!

...Ах, мехмат, мехмат! Сколько же сюрпризов с первых дней! Сегодня суббота, канун передышки, можно будет расслабиться. Лекция Крейнеса по матанализу. Профессор старается донести суть дифференциального исчисления крайне обстоятельно. Надя посматривала на соседей по аудитории, надо же, сходу чувствуют бесконечно-малые. Какие гении! На семинарских занятиях выяснилось, что москвичи занимались в МГУ с 8-го и 9-го класса, знают основы не только дифференциального, но и интегрального исчисления, хорошо ориентируются в графиках, провинциалам же туго приходится. Старше всех в Надиной тринадцатой группе был китаец Би Юань Чжан. Еще в 49-м с бабушкой прятался в горах от гоминдановских солдат. Занимался чрезвычайно упорно. Удивлялся: «Русский товарищ — ленивый товарищ. Слава Беседин на коньки катается, графики не строит».

Растерянность, разочарование, неуверенность в своих силах. «Туда ли поступила?» Задавали на «выживаемость» по 90 примеров из матанализа, по 20 задач из аналитической геометрии, по 10 задач из высшей алгебры. Чтобы только механически, без обдумывания записать все это, надо несколько часов, а тут не все понятно. И Надя сидела ночами. Как-то потускнела и радость от сознания того, что она первой заселилась в эту восьмиметровку нового «Дома студентов» МГУ на Ленинских горах с удобным секретером, кроватью, ковриком на паркете, красивом питьевым прибором из цветного стекла на столе и другими предметами убранства. Соседка по блоку Аллочка тоже не спит. Иногда заглянет к ней в комнату, глаза воспаленные.

— Ты скоро ложишься?

— Нет, у меня еще 30 примеров.

— А времени-то сколько, знаешь? Третий час!

Надя поллетется в коридор своего «сапожка» на 14-м этаже зоны «Б». (В год открытия нового здания МГУ на Ленинских — Воробьевых горах это была женская зона, зона!) Из-под всех дверей свет. Не спят девчонки. Тоже пыхтят с задачками. А признаваться друг другу не хотят, все — лучшие математики в своих школах, впервые в жизни у них не все ладилось с учебой. И вот в субботу конца сентября собрались семь девчат из группы и решили две важных проблемы. Первая — делить задание на троих — четверых, каждая решает свою долю, остальные переписывают и разбираются в решениях. Тогда спать можно будет ложиться не в 3—4 утра, а часов в 12. Вторая — объединение скудных кошельков. Дежурить по неделе, отмучиться, потом 6 недель отдыхать, экономия времени и денег. Обязанности дежурной — кормить завтраком и ужином «коммунарок» в своей комнате. Стипендия — 295 рублей, вычеты на облигации госзайма, на общежитие (за него вычитали немного), на комсомольские и профсоюзные взносы, абонемент на обеды — 3 р. 50 к. в день. Оставалась совсем тощая сумма на завтраки, ужины, учебники, тетради, кино и другие мелочи. Каково было прокормить 7 человек на 50 рублей в неделю! Выкручивались кто как мог, жарили хлеб на маргарине с водой. Жене присылали посылки с салом с Кубани, в ее дежурство — блаженство: вкусные шкварки шипели на сковороде. До этого Надя не пробовала сала.

И до конца учебы — ожидание желанной субботы: поход ли в театр, музей, на природу, вечеринка, просто краткая передышка от формул и головоломных теорий, переключение на музыку, поэзию, литературные диспуты. «Не хлебом единым» В. Дудинцева — до ночи шумели в большой аудитории на 16 этаже центрального корпуса.

...Отошло трудное романтическое студенческое время, а суббота осталась желанным днем недели: сначала укороченным рабочим, потом выходным. Выбрала Надя из четырех предложенных при распределении мест «ящик», «секретник» на северо-востоке Московской области: здесь обещано было общежитие. Преподавать в вузе сразу после студенческой скамьи не решилась, хотя это было кратчайшим путем для «остепенения». Директор «ящика» с первых же недель поручал сложные расчеты установок для проведения испытаний ракет, он запрашивал в Министерстве специалиста — газодинамика и лично беседовал с Надей при приеме на работу в отделе кадров. Она наработывала опыт сама — помочь ей здесь было некому. Ездил на консультации в Подлипки, в московские фирмы, в научную библиотеку. Когда нужно было рассчитать охлаждение «кривого ружья» — так назвал директор лоток для отвода выхлопных газов из мощного двигателя в долину речки Куньи — он поручил эту работу коллективу вновь организованного научного отдела и ей, инженеру конструкторского. Когда ее пригласили на совещание, и она робко вошла в кабинет, директор сходу спросил:

— Какой расход получили?

— Сто сорок литров в секунду.

Он заулыбался:

— И я ожидал не более этой цифры! А вы — двести с лишним? — и он гневно обернулся к начальнику науч. отдела, новоиспеченному кандидату наук.

— Пойдем на испытание с этим расходом!

Когда успешно прошли работы, директор поздравил ее:

— Это впервые в Советском Союзе, да и в мире тоже!

Группа инженеров подала заявку на изобретение. Надиной фамилии в ней, как она узнала позже, не было.

...Свадьба была в субботу. Сколько сомнений и колебаний, но уверенная, все возрастающая влюбленность перевесила возможные будущие неожиданности. Да и пора решиться: трижды Надя отвергала предложения руки и сердца. И тут равновесие неустойчивое, но решение принято. Не было бурных клятв в любви, была вера в порядочность и счастье.

...Первенец, дочка, родилась в субботу, вернее, в ночь с пятницы на субботу. Эта крохотуля перевернула весь мир: все помыслы, вся жизнь сосредоточились на ней, все остальное отошло на дальние планы. Ее работа показалась не таким уж и важным делом. Пока Надя сидела с дочкой, пока не пришлось отдать ее в чужие руки, исключительность субботы несколько потускнела. Правда, по субботам милый активно включался в домашний конвейер. Он спокойно говорил: «Никакими домашними делами не гнушаюсь, не могу только родить, во всем остальном можешь на меня положиться».

...Как же быстро чередовались субботы, множество суббот, зачем она так подгоняла их? Всю жизнь подгоняла. У мужа никогда не спрашивала, ждет ли он конца недели. Работа у него была напряженная, вредная, опасная. Пожалуй, тоже ждал. Зимой — семейные вылазки на лыжах с ребятами в лес, благо, он рядом с поселком, — с костром, рюкзаком с термосом, апельсинами, бутербродами. Летом — поездки на ближайшее озеро, купание и безмятежное лежание под солнцем, прогулки за грибами.

Сынок, когда еще ходил в детский садик, тоже говорил: «Скорей бы суббота! Буду долго спать, а потом мама даст вкусной еды».

...И вдруг Надя вскочила с постели как молоденькая.

— Совсем память потеряла! Отец, вставай! Сегодня ведь приедут — и Татя, и Алеша. Тесто надо ставить, студень готовить. Суббота нынче, суббота!

— Угомонись, мамочка. У Тати Светочка прихворнула, разве ты забыла? У Алешки — «черная» суббота, нынче ведь третья по счету в месяце? То-то. Зарядочку сделай и не торопись зря. Сама подумай: когда им разъезжать? Всю неделю бегом, на выходные столько дел дома накопится, успевай только поворачиваться. Может, и выберутся к нам, да вряд ли раньше праздников... «Значит, и эта суббота... А много ли их осталось? Дал бы бог сил детям помочь да не быть им обузой, когда срок подойдет. А тесто все-таки поставлю...»

ГАЛИНА КЛЮЧНИКОВА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 12 ноября 1955 г., в г. Карачев Брянской обл., окончила «Московский институт стали и сплавов» в 1978 г., работала на ЗЭМЗе (Сергиев Посад) инженером-технологом. В настоящее время — сотрудник ЗАО «Художественные изделия и игрушки». Автор 2-х поэтических сборников: «Зачерпнуть в пригоршни лучей золотистых», «Полинкины стихи». Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках: «Братина» (2000 г.), «Песня за отечество и веру» (2007 г.), в международном журнале «Форум», в журнале «Мама и дитя», в местной печати. Призер конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», «Светлый миг», «Сердце России». Готовится к изданию следующий поэтический сборник.

ТРИНАДЦАТЫЙ УРОВЕНЬ

* * *

Кирилл проснулся от дикой головной боли. Боль шумела в ушах, наливая голову свинцовой тяжестью, больно было даже открыть глаза и оглядеться. Темно!

— Нина, Нина, — тихо позвал он жену.

Тишина. Нина не отзывалась. Осторожно высвободив руку из-под одеяла, мужчина нащупал на тумбочке у изголовья лампу и нажал на выключатель. Комната наполнилась неярким светом.

— Нина...

Кирилл понял, что Нины здесь нет. Он спал не у себя в спальне рядом с женой на их удобной широкой кровати европейского стандарта, а на узкой тахте в комнате сына. Вернее, эта комната предназначалась сыну, когда он подрастет, а пока это была и комната для гостей, и игровая, и кабинет одновременно, по мере необходимости.

— Почему я здесь? Перепил что ли? Нет, я же совсем не пью. Да и не помню, что же вчера было?

Он еще раз обвел комнату взглядом. Она была невелика и почти без мебели. Тахта, на которой он лежал, тумбочка у изголовья, узкий книжный шкаф в углу, музыкальный центр рядом и во всю ширину окна — компьютерный стол. Монитор подмигнул ему серым экраном:

— Ну, как наш тринадцатый уровень? Прошел?..

— Нина!!! — Закричал Кирилл, переполюшав квартиру, и потерял сознание.

* * *

— Кровоизлияние в мозг,— констатировал врач скорой помощи. Собирайте, будем госпитализировать, он, что, много пил? Жаль. Такой молодой еще...

— Нет, он совсем не пил, он... он много играл в электронные игры. Компьютер и много всяких разных карманных... не знаю, как эта зараза называется...

— Ясно,— вздохнул врач,— чума 21 века.

Кирилла увезли, не позволив Нине поехать в больницу.

— Зачем Вам мучиться остаток ночи. В себя он придет не скоро, если вообще придет. Номер больницы я Вам назвал, утром позвоните, узнаете в какой он палате. Положение у него пока стабильное, так что, оставайтесь дома. Дети то есть?

— Двое. Дочка и сын, семь лет дочке и четыре сыну.

Доктор сочувственно посмотрел на женщину, успокаивающе похлопал по руке, вздохнул и вышел из квартиры вслед за санитарями, уносившими мужчину из дому, возможно, навсегда.

— Не жилец! — кинул он водителю,— поехали в сорок восьмую клинику.

— Алкаш?

— Хуже, Игрок!

Нина присела за кухонный стол, опустив руки в ладони.

— Ну, вот и все, вот и все,— билась в виски одна и та же мысль. Маме позвонить? Нет, лучше утром, зачем сейчас будить...

— Успокойся, я сейчас чай согрею,— Валентин тихо подошел сзади и приобнял за плечи.

Она повернулась к нему и улыбнулась. Улыбка получилась нерадостная, горькая.

— Я ему такого не желала!

— Никто не желал. Он сам выбрал свою судьбу! Ты и так с ним намаялась. Пей чай и успокойся.

Валентин принес плед из комнаты, заметив, что Нину колотит нервная дрожь, укрыл ей плечи. Потом взял ее руки в свои и стал согревать их дыханием. А Нина погрузилась в воспоминания.

* * *

Два друга Кирилл и Валентин ухаживали за Ниночкой с первого курса. Она, студентка Института Культуры — будущий искусствовед, они — студенты МАДИ.

Ухаживали красиво, с выдумкой, развлекая ее, зазывая в свои студенческие компании с гитарами и шашлыками, с байдарками и шумными реками, с Новым годом в Крыму. За три года она побывала в стольких местах, увидела столько нового и интересного, сколько не видела за свои семнадцать лет. Поначалу, ей нравились оба парня, и она не могла остановить свой выбор ни на одном из них. Но потом, она поняла, что любит Кирилла. Парень был детдомовский, жил в общежитии, ей все чаще и чаще хотелось приласкать его, пойти с ним в магазин и выбрать ему достойную одежду, привести в порядок его красивые, чуть выщипанные, черные, как смоль волосы. Кирилл был красив. Высокий, голубоглазый, усатый. Валентин тоже был красивым, но совсем другой. Единственный сын состоятельных родителей, ухоженный и хорошо одетый, он контрастировал со своим другом во всем: блондин среднего роста, спортивно сложенный. Его зеленые глаза всегда были серьезны, даже, когда он смеялся и шутил. Всегда гладко выбрит и организован. Нине показалось, что в семейной жизни он станет педантом и занудой. На третьем курсе она вышла замуж за Кирилла. Ее отчим подарил им на свадьбу прекрасную трехкомнатную квартиру в новостройке. А Валентин был на свадьбе свидетелем, весь вечер оберегая ее, не позволив даже шуточного «похищения невесты».

Семейная жизнь потекла безоблачно и счастливо. Они защитили дипломы и устроились на работу. Через полгода после защиты Нина родила девочку. Валентин поступил в аспирантуру в своем институте, а Кирилл с удвоенной энергией принялся делать карьеру в своей фирме. Он любил своих девочек и хотел, чтобы они ни в чем не нуждались. Нинин отчим, в чью фирму и поступил работать Кирилл, всячески поддерживал стремление зятя и дал его карьере «зеленый» свет. Когда девочке исполнилось три года, на свет, к великой радости папы и деда, появился сын. Вот тогда в семье и появился тот роковой подарок.

Маленькая Лидочка радовалась братику, как новой игрушке, Кирилл, казалось, лопнет от гордости — сан Максим, продолжатель рода! А отчим, в качестве подарка новорожденному, притащил навороченный компьютер, сразу с подключением к Интернету.

— Пусть внучок с пеленок к прогрессу приучается, с компьютером управляться научится раньше, чем ходить и говорить. А пока, ты, Ниночка, его осваивай.

— Да что мне его осваивать! Что я с компом обращаться не умею, что ли? Да я пока работала от компьютера не отходила, да и Кирилл весь рабочий день возле него сидит.

— Так то на работе, а то дома. Тут тебе связь со всем миром!

В итоге все пришли к общему знаменателю, что подарок «здоровский», благодарили Сергея Петровича и весь вечер лазали по Интернету, выискивая всякие приколы, музыку, фото, фильмы и игры.

Когда Кирилл наткнулся на эту злополучную игру, Нина не знает. Однажды он предложил ей поиграть в игру с интригующим названием «Последний стон цивилизации, или возвращение Акваториана». Нина прошла первых два уровня, игра ей быстро надоела. Она была почти однообразна, занимала много времени и еще, что больше всего Нине не понравилось, была очень жестока и сделана так естественно, что вызывала у женщины страх.

— Ерунда какая-то! Где ты такое взял? Она же жутко жестокая. Ты в нее не играй.

Но Кирилл увлекся ею настолько, что с Ниной разговаривал только о ней, счастливо сообщая, что удалось пройти очередной уровень.

— Ничего, — думала Нина, — вот закончит ее и снова станет прежним.

Кирилл быстро прошел двенадцать уровней, а на тринадцатом, последнем, застрял. Он забыл обо всем на свете: о Нине, детях, доме, постепенно превращаясь в

«зомби». Нина пыталась ругаться с ним, уговаривала, напоминала о детях, но мужа не интересовало ничего, кроме проклятого тринадцатого уровня.

— Нинок, потерпи немножко. Мне чуть-чуть осталось. Вот пройду его и все! Честно, больше никакую игру начинать не буду!

— Ну, пройдешь, и что? Что изменится? Ты что, разбогатеешь, помолодеешь или станешь более счастливым? Дети без тебя растут, видят только спину твою за компьютером!

— Все, Нин, не мешай, иди, спи, я скоро!

— Кир, мне завтра Максимку на прием к врачам везти надо, отпросись с работы.

— А? Хорошо, хорошо... Иди, не мешай.

Назавтра он, конечно, обо всем забывал и Нина, не дождавшись мужа, звонила отчиму или Валентину с просьбой отвезти ее в поликлинику.

Валентин не раз пытался говорить с Кириллом, но тот все глубже погружался в виртуальный мир. Теперь он играл не только дома после работы, но и, купив карманный вариант какой-то игры, в метро и даже на работе. Карьера его пошла под гору, но он, кажется, этого даже не замечал. Последний год в фирме он присутствовал только номинально, его не увольняли только потому, чтобы не расстраивать Нину, которая думала, что хотя бы на работе он занимается делом. Он превратился в робота, который, позавтракав, бежал к метро, с упоением нажимая на кнопки. В офисе, воровато оглядываясь, включал рабочий компьютер, делая вид, что занят работой, продолжал лихорадочно жать на кнопки, увлекаясь и, в конце концов, ничего и никого не замечая вокруг. Он перестал обедать, а вечерами, возвратившись домой, с жадностью съедал ужин и перемещался к компьютеру, к своему, никак не поддающемуся, тринадцатому уровню.

Нина следила за его одеждой, покупая ему вещи без примерки. Особенно сложно было с обувью, но потом, купив однажды удачные туфли и зимние ботинки, она купила их несколько пар сразу, чтобы не мучиться потом в поисках подходящей обуви. А Кирилл не замечал ничего, ни подросших детей, ни похорошевшей жены, ни поселившегося в их доме Валентина.

Он играл до тех пор, пока его мозг не отключался. Кирилл выключал компьютер и падал на узкую тахту, иногда даже не раздеваясь. Со временем, когда Нина поняла, что в спальню муж так и не вернется, она стала расстилать ему постель на тахте.

А Валентин помогал Нине растить детей, водил Максимку в бассейн, и Лидочку первый раз в первый класс повел тоже не папа, а Валентин рядом с Ниной.

Дети постепенно поняли, что папа Кирилл занят, а вот папа Валентин всегда рядом. Он поможет починить сломавшуюся машинку, сварит вкусную кашу, погуляет на площадке и научит кататься на велосипеде.

Полгода назад Нина сказала Кириллу, что подала документы на развод. Но он лишь кивнул, едва ли осознавая сказанное. На два уже состоявшихся суда Кирилл, естественно, не явился, хотя и был уведомлен Ниной, а третий, который был назначен в следующем месяце, должен был развести их. Конечно, Нина обращалась к психиатрам, но те ничего не могли поделать без доброй воли Кирилла, который не считал себя больным. А на принудительное лечение Нина не решалась, не веря в его действенность. Она не раз ломала компьютер, но все сводилось лишь к тому, что Кирилл либо ремонтировал свою «игрушку», либо покупал новую, тратя значительные средства семейного бюджета.

Как они будут жить после развода, Нина представляла с трудом. Уходить Кириллу некуда, да и одного его оставить в квартире нельзя. Он или умрет от истощения и голода, или превратится в нечто немытое, нестиранное и нечесаное, забудет про работу и деградирует окончательно. Жить так, как они жили последний год, Валентин, став законным мужем, вряд ли согласится. Нелепо все! Тупик!

И вот, теперь, когда, казалось, все было решено, когда Нинина мама согласилась присматривать за Кириллом после развода, когда после беспросветной боли и разочарования забрезжило счастье, он позвал ее, Нину! Разве сможет она теперь оставить его, когда ему снова надо учиться ходить, говорить и жить...

Валентин внимательно смотрел на Нину. Он любил ее давно и неизлечимо. Он понимал каждый ее взгляд, каждый жест и каждую морщинку.

— Что ты еще надумала? Конечно, мы не оставим его, найдем врачей и сиделку, сделаем все, чтобы поставить его на ноги. Но ты пойми, он уже не тот человек, который был моим другом, и за которого ты выходила замуж. Да и дети давно уже — мои дети, а не его. Он едва ли помнит о них, и давно забыл, сколько им лет...

Нина уткнулась Валентину в плечо и горько заплакала.

Зазвонил телефон.

— Алло, ...да, квартира Забелиных, ...кто я? Друг! Что??!!

— Пик... пик... пик...

Они долго сидели на кухне, обнявшись и не разговаривая, трубка, которую Валентин почему-то забыл отключить, пикала, а вода в кране капала редкими каплями, сопровождая их рыдающим сердцем.

НИНА КОЗЛОВА

(г. Сергиев Посад)

Член Союза писателей России. Член литературного объединения «Свиток». Окончила Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького. Живет и работает в г. Сергиев Посад. Автор повести «Огоньки моего детства», 2001 г., г. Сергиев Посад, детской повести-сказки «Однажды в Сорняковке», 2005 г., г. Сергиев Посад, детских рассказов «Разные истории», рассказов, стихов. Дипломант поэтических конкурсов «Посадская лира» (2003, 2004 г.г.) и «Пастернаковское лето» (2002, 2004 г.г.). Печаталась во всероссийском альманахе «Истоки», изд-во «РИФ РОЙ» АО «Молодая гвардия», в литературно-философском журнале «Литературная учеба», местной прессе.

РОМАШКОВОЕ МОРЕ

Я держу Дашу за руку, и мы вместе идем навстречу чуду. Да, да — самому настоящему чуду! Еще один поворот за соседний забор и... — вот оно, чудо — ромашковое поле!

— Ух!.. Вот это да!.. — восклицает Даша, — Ромашковое море!

Ромашки, кругом одни ромашки! От тепла и дождей они выросли крепкие, пушистые и высокие. Глаза у Даши сияют, радостная улыбка играет на лице, хочется чего-то необыкновенного.

— А хочешь, я сейчас нырну в ромашковое море! — говорит мне Даша, — только ты закрой глаза и считай до трех.

Я повинуюсь.

— Раз, два, три!

Открываю глаза... — Даши нет, она исчезла.

— Даша, ты что, ...утонула? — спрашиваю я.

В ответ — тишина. Но долгого молчания Даша не выдерживает и подает голос:

— А ты, правда, меня не видишь?

— Конечно, правда,— отвечаю я,— где ты?

Даша вскакивает и весело взвизгивает. Лицо ее сияет от удовольствия.

— А теперь ты ныряй,— говорит она мне,— а я буду считать.

Она закрывает глаза и начинает медленно считать. Я осторожно, чтобы не помять ромашки и не оставить за собой следа, делаю большие шаги в сторону, и на счет «три» едва успеваю спрятаться в ромашковых зарослях.

По дашиному молчанию я чувствую, что она внимательно осматривает поле, пытаясь меня разглядеть среди цветов, но так и ничего не заметив, спрашивает:

— Ты где?.. Я тебя не вижу...

Я молчу.

— Откликнись...

Я замираю, выдерживаю паузу, а потом, как и Даша, неожиданно вскакиваю и совсем не в том месте, куда смотрит она.

Теперь мы хохочем обе.

— А давай опять будем нырять! — предлагает Даша.

И мы с ней ныряем то она, то я, выныривая каждый раз в новом месте.

— Даша, а ты хочешь увидеть, как море волнуется?

В ее глазах немой вопрос, а я предлагаю:

— Давай присядем и посмотрим вдаль.

Мы присаживаемся на корточки и видим, как гонимые ветром бегут к нам ромашковые волны, сейчас они нас накроют. Но вдруг, словно передумав, волны меняют свой бег, и теперь уже бегут от нас, куда-то в сторону, а затем в другую, то низко наклоняясь к земле, то, поднимаясь во весь свой ромашковый рост.

— Это волны, волны! — кричит в восторге Даша,— то белые волны, то желтые, смотри!

И мы любимся, и качаемся, и плывем в ромашковом просторе.

— А пусть это море будет наш с тобой секрет, предлагает Даша,— Утром я тебе скажу: «Пойдем на Ромашковое море»,— а ты скажешь: «Пойдем».

— Еще и песенку споем про него,— говорю я.

— Какую?

— А вот послушай,— и я запела старую песенку на новый лад.

*Ромашковое небо,
Ромашковое море,
Ромашковая зелень
Ромашковый салют.*

*Ромашковые мамы
Ромашковым ребятам
Ромашковые песни
Ромашково поют!*

Счастливые, мы улыбаемся друг другу.

